

ИСТОРИЯ РОССИИ

УДК 94(470-25) 18+316.343.32-055.2

DOI 10.26456/vthistory/2026.3.035

Матримониальное поведение московского дворянства в первой половине XIX века

О.И. Лисицына

ФБГОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь, Россия

В последнее время в исторической антропологии наблюдается устойчивый интерес к истории повседневности, все большее внимание уделяется приватной сфере жизни людей прошлого, институту семьи, семейной памяти. Цель данной статьи – опираясь на эгодокументы, художественную литературу и публицистику, выявить специфику матримониального поведения российского дворянства в контексте особого статуса Москвы, сформировавшегося после пожара 1812 г. В рассматриваемый период Москва имела статус «города невест», это во многом было связано с самобытностью московского общества. Большую роль в московском обществе играли родственные связи, а потому и женщины, поддерживавшие их. Если строить карьеру ехали в Петербург, то жениться предпочитали в Москве, а брачное поведение девушек и мужчин существенно отличалось.

Ключевые слова: *российское дворянство, матримониальное поведение, брак, семья, родственные связи, московское общество.*

Ещё в 1712 г., с переносом столицы в Петербург, в российской дворянской культуре формируется представление об особом статусе Москвы, где в Успенском соборе Кремля продолжали короноваться императоры и императрицы, а масштаб города и самоощущение москвичей обуславливали привычки и образ жизни, отличные от сугубо провинциальных. Однако окончательно этот особый статус «Первопрестольной» в понимании российского общества закрепляется за ней лишь сто лет спустя, после пожара 1812 г., когда Москва начинает восприниматься как вторая, но при этом едва ли не более значимая, чем Петербург, столица, как «сердце России»¹. По всей видимости, связано это было не только с той жертвой, которая была принесена москвичами в 1812 г., и не с тем, что «пожар способствовал ей много к украшению... // С тех пор дороги, тротуары // Дома и все на новый лад»². Причины были и в других обстоятельствах Отечественной войны 1812 г.

¹ Пушкин А.С. Евгений Онегин / предисл., примеч. и пояснит. статьи С. Бонди. М., 1976. С. 196.

² Грибоедов А.С. Горе от ума / подг. Н.К. Пиксанов, А.Л. Гришунин. М., 1969. С. 44.

По словам Ю.М. Лотмана, «военные события сблизили Москву и провинцию России. Московское население “выхлестнулось” на обширные пространства»³. Некоторые семьи московских дворян буквально «кочевали» по волостям и уездам⁴, не надеясь на скорое возвращение назад. В конце же войны, после ухода из Москвы неприятеля, это «породило обратное движение... Москва сразу же после ухода французов оказалась заполненной толпами жителей»⁵. По мнению Ю.М. Лотмана, сближение Москвы с провинциальной Россией одновременно сопровождалось своеобразным «отдалением» их от Петербурга – как экономическим, так и ментальным, поскольку взятие французами Москвы «отрезало многие нити, связывавшие Петербург со страной. Отправлявшиеся в столицу вынуждены были совершать долгие обходные пути»⁶. В последующие десятилетия окончательно сложилась своеобразная дихотомия Петербурга и Москвы, которая будет неоднократно осмысляться в культуре. О восприятии Москвы, о её статусе так называемой «ярмарки невест» и о матримониальном поведении российского дворянства пойдёт речь в данной статье.

В 1820-е – 1830-е гг. уже бытовали довольно устойчивые представления как о самой Москве, так и о соотношении двух столиц, об их отличиях, о статусе и специфическом поведении их обитателей. «Москва – старая домохозяйка, печет блины, глядит издали и слушает рассказ, не подымаясь с кресел, о том, что делается в свете; Петербург – разбитной малый, никогда не сидит дома, всегда одет и, охорашиваясь перед Европою, раскланивается с заморским человеком»⁷, – так характеризует разницу между городами Н.В. Гоголь в своих «Петербургских записках». Несколько иное представление транслирует Д.Д. Благово: «кто позначительнее и побогаче – все в Петербурге, а кто доживает свой век в Москве, или устарел, или обеднел, так и сидят у себя тихохонько и живут беднехонько, не по-барски, как бывало»⁸. Несмотря на то, что авторы в своих характеристиках по-разному расставляют акценты, данные высказывания сближает явная попытка противопоставить Москву Петербургу.

Особый интерес представляет гендерный аспект данного противопоставления. А.С. Пушкин писал: «Петербург прихожая, Москва девичья, деревня же наш кабинет»⁹; пожалуй, ещё более четко раскрывает подобный «девичий» статус Москвы в уже упомянутых «Петербургских записках»

³ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб., 2006. С. 330.

⁴ Письмо Волковой М.А. Ланской В.И. от 20 августа 1812 г. // Дней прошлых гордые следы: Переписка Марии Аполлоновны Волковой. 1812–1813 годы. М., 2012. С. 95 и др.

⁵ Лотман Ю.М. Указ. соч. С. 330.

⁶ Там же.

⁷ Гоголь Н.В. Петербургские записки 1836 года [Электронный ресурс]. URL: <http://gogol.velchel.ru/?cnt=15&sub=2&page=1> (дата обращения: 09.08.2026).

⁸ Благово Д.Д. Рассказы Бабушки. Из воспоминаний пяти поколений, записанные и собранные ее внуком Д. Благово / Под ред. А.Л. Гришунина. Л., 1989. С. 114–115.

⁹ Пушкин А.С. Роман в письмах [Электронный ресурс]. URL: <https://febweb.ru/feb/pushkin/texts/push10/v06/d06-041.htm> (дата обращения: 15.08.2026).

Н.В. Гоголь: «Москва женского рода, Петербург мужского. В Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи»¹⁰. Вторит им и писательница А.П. Павлова в своей повести-«были» «Бедняжка»: «Юная столица берёт себе цветущих юношей... Неудивительно, что невесты московские ловят приветливыми взглядами залетного жителя Петербурга, когда он соколом мчитя по нашим гостиным, так привлекательно гремя шпорами или дипломатически лорнируя»¹¹. Как видим, мнение о Москве как о «городе невест», своеобразном «женском царстве» во второй четверти XIX в. было уже весьма распространено.

Впрочем, представление о том, что в Москве тон всему обществу задают именно женщины, достаточно последовательно раскрывается ещё у А.С. Грибоедова в «Горе от ума» – стоит вспомнить, к примеру, столь типичную для Фамусова апелляцию к авторитетам, которые в абсолютном большинстве случаев представлены именно женскими именами: «скомандовать велите перед фрунтом! // Присутствовать пошлите их в Сенат! // Ирина Власьевна, Лукерья Алексеевна // Татьяна Юрьевна, Пульхерия Андревна!»¹²; «как Вам доводится Настасья Николавна?»¹³; «ах! боже мой! Что станет говорить // Княгиня Марья Алексевна!»¹⁴ У А.С. Пушкина в «Евгении Онегине» московское общество также представлено по большей части именно женскими лицами: бабушки, тетушки, кузины – именно им «на суд» привозит Татьяну «старушка Ларина»: «повсюду ласковая встреча, и восклицанья, и хлеб-соль. // “Как Таня выросла! Давно ль // Я, кажется, тебя крестила? // А я так на руки брала! // А я так за уши драла! // А я так пряником кормила!”»¹⁵. Как видим, «московская родня» у А.С. Пушкина говорит женскими голосами, ведь именно женщины-дворянки выстраивали коммуникации и поддерживали многочисленные родственные связи семьи. О значимости фигуры знатной «барыни» в жизни не только большой семьи, но и всего московского общества также весьма красноречиво свидетельствуют «Рассказы бабушки»¹⁶, записанные Д.Д. Благово. Из них явствует, что эта тенденция восходит по меньшей мере к середине XVIII в.

По-видимому, подобный гендерный дисбаланс («в Москве всё невесты, в Петербурге всё женихи») не был лишь метафорой, а вполне реально выражался в соотношении численности «невест» и «женихов» в столицах. Наличие в Москве родни, хотя бы дальней, особенно женского пола, вкупе с при-

¹⁰ Гоголь Н.В. Указ. соч.

¹¹ Цит. по: Чижикова А.С. Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 75.

¹² Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 43.

¹³ Там же. С. 40.

¹⁴ Там же. С. 120.

¹⁵ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 199.

¹⁶ Благово Д.Д. Рассказы Бабушки... С. 114–115.

верженностью москвичей родственным связям («... я перед родней, где встретится, ползком; // Сыщу ее на дне морском»¹⁷) делало ее местом притяжения для провинциальных дворянских семей, имеющих дочерей «на выданье»: «что ж, матушка? за чем же стало? / В Москву, на ярманку невест! / Там, слышно, много праздных мест»¹⁸. При этом и в самой Первопрестольной невест было тоже немало: «что ж? у кого сестра, племянница есть, дочь; // В Москве ведь нет невестам перевода; // Чего? плодятся год от года»¹⁹. Как видим, авторы по-разному оценивают факт наличия достаточного числа невест в Москве, однако сходятся в том, что искать их следует именно там. Очевидно, что подобные представления имели под собой вполне реальные основания. Именно поэтому в рассматриваемый период в среде российского дворянства Москва считалась идеальным местом для поиска брачного партнера и вступления в брак – той самой «ярмаркой невест».

В Петербурге же, напротив, количество молодых мужчин вполне могло превышать число девиц. Связано это было со спецификой системы образования и государственной службы. Система дворянского образования, сложившаяся по большей части ещё в XVIII в., была тесно связана с острой потребностью в квалифицированных кадрах, в первую очередь военных. Еще в 1715 г. был принят указ, в соответствии с которым «всех знатных особ детей, от 10 лет и выше, велено выслать в школу С.-Петербургскую»²⁰. Конечно, принять всех дворянских детей в государственные учебные учреждения было невозможно²¹, да не все и стремились к этому, однако известный отток дворянских мальчиков и из провинции, и из Москвы в Петербург за счет этого все же происходил. Столичных же учебных заведений для девочек было несоизмеримо меньше, а женское образование в подавляющем большинстве случаев продолжало оставаться домашним²². Кроме того, воспитание и обучение дворянок ставило перед собой принципиально иные цели, связанные, в первую очередь, с матримониальными устремлениями семьи, и долгое время не было ни системным, ни единообразным.

Также дворянские юноши оседали в Петербурге из соображений карьерного роста и непосредственной близости императорского двора. Несмотря на хрестоматийные литературные примеры «праздных» представителей дворянской молодежи (Чацкий, Онегин, Ленский), чаще дворяне все же предпочитали, получив образование, поступать на службу – статскую или

¹⁷ Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 40.

¹⁸ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 191.

¹⁹ Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 42.

²⁰ Цит. по: Болотина М.В. «Российское юношество должно быть воспитываемо... хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 24.

²¹ Там же.

²² Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII – первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное» [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (дата обращения: 15.08.2026).

военную – и делать карьеру, а наибольшие возможности для этого, безусловно, открывала столица. Несение службы дворянином могло быть довольно фрагментарным и с точки зрения законодательства в первой половине XIX в. уже не было обязательным, однако считалось нормой, что дворянин сначала сделает карьеру и лишь потом, выйдя в отставку, будет искать себе жену. Отговаривали дворянских юношей от вступления в брак в молодом возрасте и родители: «выйдет она за тебя замуж; ты к ней приглядишься... будет вам скучно, а потом, чего боже сохрани!.. Нет, Миша, не проси позволения жениться... Не то я позволю, и на старости лет буду плакать над вами»²³. Безусловно, и родители невесты, желая, чтобы дочь сделала «партию» получше, учитывали положение кандидата в женихи в обществе и потенциалы его карьерного роста в качестве одного из главных критериев при выборе брачного партнера для дочери.

Вот почему подобная реакция Фамусова на вопрос Чацкого о сватовстве: «сказал бы я во-первых: не блажи, // Именьем, брат, не управляй оплошно, // А, главное, поди-тка послужи»²⁴, – представляется довольно типичной и адекватной ситуации. Услышав от Чацкого знаменитое «служить бы рад, прислуживаться тошно»²⁵ (и прочие, несоответствующие его ценностям высказывания), отец девицы закономерно отдает предпочтение Скалозубу, который «имеет, кажется, в петличке орден»²⁶, «не по летам, и чин завидный, // Не нынче завтра генерал»²⁷. Впрочем, нередко родители невесты предпочитали не полагаться на то, что их дочь со временем станет «генеральшей», а сразу сосватать её за генерала. Известным тому примером является судьба А.П. Полторацкой, которую отец в семнадцать лет выдал замуж за генерала Е.Ф. Керна, которому на тот момент было уже за пятьдесят²⁸. Вообще, браки, в которых муж был вдвое и более старше жены не были редкостью в дворянской среде первой половины XIX в.

Отдельно следует отметить такой фактор притока дворянских юношей в Петербург, как придворная жизнь. Для многих дворян вращение в «большом свете» было крайне значимым само по себе, поскольку давало определённый статус и положение в обществе. «... Я могу быть в большом свете? Да для чего же нет?... Собою я, говорят, хорош, танцую весьма порядочно, да и в обществе я довольно ловок... Стоит попросить только Щетинина: он представит меня во все лучшие дома»²⁹. Как видим, высшее петербургское общество не было замкнутым и изолированным, впрочем, как и московское: они пополнялись за счёт молодежи обоих полов, начинавшей выходить в свет, а также приезжих; кто-то же, напротив, уезжал в имение или за границу

²³ Соллогуб В.А. Большой свет // Дуэль. Повести русских писателей / вст. ст. Н.П. Утехина; посл. В.В. Дорошевича. М., 1990. С. 204.

²⁴ Грибоедов А.С. Указ. соч. С. 33.

²⁵ Там же. С. 33.

²⁶ Там же. С. 40.

²⁷ Там же. С. 38.

²⁸ Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. Л., 1990. С. 156.

²⁹ Соллогуб В.А. Указ. соч. С. 205–206.

на долгий или краткий срок. Однако каждое из них при этом сохраняло свою культурную специфику и самобытность.

Как уже говорилось ранее, если цели мужского образования в российской дворянской культуре были обусловлены соображениями последующей службы, то главной задачей образования женского являлось формирование навыков, которые могли бы сделать её «успешною» в свете и тем самым способствовать удачному замужеству. Поэтому и набор тех знаний и умений, которые предполагалось сформировать в процессе, был хоть и достаточно специфическим, но при этом довольно универсальным. Однако Москва, безусловно, давала для этого и значительно больше возможностей по сравнению с другими нестоличными городами, а уж тем более по сравнению с деревней. К тому же, вероятно, статус «города невест» обуславливал особенно пристальное внимание к «должному» воспитанию юных барышень.

Как правило, московская дворянская семья затрачивала немало усилий и денежных средств для того, чтобы дать девочкам достойное домашнее образование. Так, семья Гончаровых, находившаяся в довольно затруднительном материальном положении³⁰, не стремилась при этом сэкономить на образовании своих дочерей. Мать семейства, Наталья Ивановна, сама, в обход мужа, обращается к свекру с просьбой увеличить содержание их семьи, поскольку из сорока тысяч рублей в год не менее пятнадцати уходит только на нужды образования детей³¹. Характерно, что обычно именно мать в семье осуществляла общее руководство этим сложным процессом, в частности поиском и подбором гувернеров и гувернанток, при необходимости подключая к этому других членов семьи или знакомых. Именно поэтому в случае смерти матери девочка зачастую «передавалась» в другие руки, а не оставалась жить у отца³². По-видимому, образование дочерей весьма часто становилось одним из главных приоритетов семьи, поскольку, с одной стороны, являлось маркером её социальной состоятельности, а с другой – повышало шансы дочерей «сделать удачную партию», что тоже, в свою очередь, могло способствовать благополучию всей семьи.

По этой же причине выбор гувернанток и учителей представлял собой событие особой важности и сложности и порой вовлекал широкий круг родственных связей дворянской семьи, в особенности если речь шла о гувернантке, которая будет проживать в доме на постоянной основе. Характерно в этой связи письмо супругов Бахметевых А.П. и А.Н. родителям мужа, свидетельствующее о вовлечении в процесс поиска и выбора домашних учителей не только обоих супругов, но и бабушек с дедушками, а также широкого круга друзей и знакомых³³. Можно заключить, что вклад в домашнее образование

³⁰ Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М., 1985. С. 29–34.

³¹ Цит. по: там же. С. 35.

³² Подробнее см.: Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.

³³ ЦГАМ. Ф.1845. Оп. 1. Д. 956.

девочек был действительно важной «инвестицией», и волновало оно не только её ближайших родственников, но и всю семью в целом.

В первой половине XIX в. именно домашние учителя начинают играть ключевую роль в воспитании дворянских барышень. При этом уровень компетентности гувернеров неуклонно возрастает. Вдобавок, благодаря системе государственных и частных учебных заведений и ряду изданий, женское домашнее образование начинает приобретать черты некой универсальности. Формируется перечень навыков, которыми должна овладеть юная представительница дворянства³⁴. При этом в московской дворянской среде гораздо чаще, чем у других представителей нестоличного дворянства, женское образование не ограничивалось приглашением в дом лишь одной гувернантки для девочки, а могло даже приобретать черты предметной специализации: так, у Гончаровых в доме не только жили иностранные гувернёры и гувернантки, но и дополнительно приглашались учителя по различным дисциплинам³⁵. Схожая ситуация была и у Соймоновых³⁶. Впрочем, глубина такой предметной специализации зависела исключительно от предпочтений семьи, а точнее матери, от её вкусов и представлений об идеале образованной барышни.

Разумеется, наиболее востребованными навыками были владение нормами этикета, знание французского языка и умение танцевать, поскольку именно они считались необходимыми для успеха девушки «в свете». В связи с этим в Москве 1820-х – 1830-х гг. крайне популярны были уроки танцев, которые давал знаменитый танцмейстер П.А. Йогель³⁷. Помимо преподавания танцев он известен своими так называемыми «детскими балами», которые славились и в Москве, и за её пределами. На них порой приходили взрослые мужчины, в том числе и А.С. Пушкин, чтобы посмотреть на совсем юных барышень, ещё не вышедших в свет. Именно там поэт впервые увидел свою будущую жену Н.Н. Гончарову.

Как правило, такие, ещё не «вывозившиеся» в свет, юные барышни подвергались самому строгому контролю и надзору со стороны домочадцев и не только не имели практически никакой возможности для общения с противоположным полом, но и сознательно лишались доступа к какой-либо информации на этот счет (см.: *Лисицына О.И.* Гендерная цензура и литература «не для дам» в контексте сексуального воспитания российской дворянки конца XVIII – первой половины XIX в. // *Гендер в фокусе антропологии, этнографии семьи и социальной истории повседневности*. М., 2019. С. 177–182). Это было связано с господствовавшей тогда системой представлений

³⁴ См.: *Солодянкина О.Ю.* Гувернантки в русских дворянских семьях // *Вестник РУДН. Серия «История России»*. 2003. № 2. С. 39.

³⁵ *Ободовская И., Дементьев М.* Указ. соч. С. 35.

³⁶ *Ткаченко О.В.* Соймоновы и их окружение // *Соймонова Е.А.* Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. /сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., 2023. С. 19.

³⁷ *Захарова О.Ю.* Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М., 2003. С. 274.

о «девичьей чести» и делалось с целью сохранения репутации девушки до брака. Барышни находились под постоянным присмотром, их чтение также тщательно контролировалось. Судя по всему, для подрастающей барышни, не входившей еще в категорию невест, и вовсе не предусматривалось социально приемлемых практик общения с противоположным полом (разумеется, за исключением родственников-мужчин).

Ситуация менялась, когда девушку официально начинали «вывозить в свет». Данное событие имело большое значение как для самой юной дворянки, так и для ее семьи³⁸, оно тщательно планировалось заранее: «На бале [у князя Щербатова] должен был состояться ее выход, но это [не было устроено] мой дядя мог вам говорить свои соображения [о причинах этого] (перевод с франц. наш. – О.Л.)»³⁹, – и вовлекало широкий круг родственников⁴⁰, в особенности тех, которые имели связи в «лучшем обществе»⁴¹.

«Вновь прибывшие» молодые особы становились «предметами бесжалостного внимания»⁴² со стороны «взыскательного света»⁴³: «московских франтов и Цирцей // Привлечь насмешливые взгляды»⁴⁴ (ср.: «странный шепот встретил // Ее явление: свет ее заметил»⁴⁵; «все кинули на нее испытующий взгляд; даже старые сановники... удостоили ее мгновенным одобрительным осмотром»⁴⁶). Теперь от дворянской барышни не только ожидается, но и, по сути, требуется общение с «посторонними мужчинами» – потенциальными женихами: «кое-где мужчина, проходя за диванами, останавливался позади девицы и, наклонясь, шептал ей, вероятно, что-нибудь очень приятное, потому что улыбка вдруг расцветала на устах девушки, и, глядя на нее, маменька самодовольно поправляла свой чепец»⁴⁷. Но, разумеется, для подобного общения мужчина должен был быть «представлен» девушке, это же верно и для ситуации с танцами. Обычно молодую девушку представляла хозяйка дома, но это мог быть и кто-нибудь из общих знакомых. Известная «вольность» подобного общения между девушкой и юношей при этом нивелировалась контролем, который теперь осуществляется самим светским обществом (писательница М.С. Жукова формулирует это следующим образом: «они говорили и говорили, не замечая, как из всех углов поглядывали на них зоркие глаза цензоров в чепцах и шالях»⁴⁸).

³⁸ ЦГАМ. Ф. 1845. Оп. 1. Д. 1204. Л. 1 об.

³⁹ Там же. Л. 1.

⁴⁰ Там же. Л. 2.

⁴¹ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 208–209.

⁴² Ган Е.А. Идеал [Электронный ресурс]. URL: <http://fb2.booksgid.com/content/55/elena-gan-ideal/1.html> (дата обращения: 14.08.2026).

⁴³ Пушкин А.С. Евгений Онегин... С. 191.

⁴⁴ Там же. С. 192.

⁴⁵ Лермонтов М.Ю. // Сочинения в 2-х т. М., 1970. Т. 1. Стихи и поэмы. С. 717.

⁴⁶ Соллогуб В.А. Большой свет... С. 243.

⁴⁷ Ган Е.А. Указ. соч.

⁴⁸ Жукова М.С. Дача на Петергофской дороге [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/z/zhukowa_m_s/text_0040.shtml (дата обращения: 13.08.2026).

При этом контроль за поведением и «честью» девушки со стороны семьи продолжался, как и прежде. Так, сын О.С. Павлищевой, в девичестве Пушкиной, пишет, что её мать Надежда Осиповна, которая была против брака дочери с её возлюбленным, Н.И. Павлищевым, на балу запретила ей с ним танцевать, а когда они нарушили запрет, «об этом доложили Надежде Осиповне, забавлявшейся картами в соседней комнате. Та в негодовании выбежала и в присутствии общества, далеко не малочисленного, не задумалась толкнуть свою тридцатилетнюю дочь», которая в результате упала в обморок⁴⁹. Как видим, общество не только наблюдает за соблюдением приличий на бале, но и знает, как родители относятся к тому или иному кандидату в женихи, а также следит за соблюдением дочерью родительских распоряжений.

Вообще, чаще всего браки в дворянской среде заключались не «по склонности», а по экономическим и социальным мотивам. Достаточно показательным и в то же время типичным примером «женской доли» является судьба «старушки Лариной»: она была влюблена, но «не спросясь ее совета», ее выдали замуж за другого; супруг увез ее в деревню, где она «рвалась и плакала сначала, // С супругом чуть не развелась; // Потом хозяйством занялась, // Привыкла и довольна стала. // Привычка свыше нам дана: // Замена счастью она»⁵⁰. Многие замужние дворянки действительно жили с убеждением, что любовь не является обязательным условием для брака, или культивировали в себе любовь к законному супругу, поскольку общество вменяло им в обязанность «любить избранника»⁵¹, при том что в большинстве случаев о реальной возможности выбора речи не шло.

В то же время незамужние барышни верили в возможность выйти замуж по любви: «разве браки заключаются не по склонности, а по расчёту? Разве все сводится к тому, чтобы заполучить мужа и богатое состояние? Разве не следует прежде всего послушать, что говорит тебе твоё сердце?»⁵² – такие вопросы в своём дневнике задаёт московская барышня Е.А. Соймонова в первой половине 1830-х гг. Однако брак «по склонности» чаще всего был возможен для дворянки только при так называемом «увезде», «умыкании» невесты. Так, упомянутая выше О.С. Пушкина, старшая сестра поэта, в итоге вышла замуж за своего возлюбленного Н.И. Павлищева тайно от родителей, но такие случаи были довольно редки.

Если девушки были практически лишены брачного выбора, то мужчины могли выбирать – жениться по «по склонности» или по расчёту: «... скорее

⁴⁹ Цит по: *Марченко Н.* Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nnavy_i_byt_pushkinskoi_epohi.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

⁵⁰ *Пушкин А.С.* Евгений Онегин... С. 94.

⁵¹ Подробнее об этом см.: *Пушкарева Н.Л.* Частная жизнь русской женщины в XVIII столетии. М., 2012. С. 54.

⁵² *Соймонова Е.А.* Дневники. Московское общество в 1833–1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М., 2023. С. 49.

заклучить можно, что они в биржевой, а не в бальной зале. “Эта девушка прелестна, – думает один, – но отец ее молод, бог знает, сколько проживет он лет и денег. Эта умна и образованна, дядя ее на важном месте, но, говорят, он колеблется, – тут надобно подумать... Вот эта, правда, не очень красива и очень недалеко, зато как одушевлена! чертовски одушевлена тремя тысячами душ... Я невольник ее!”⁵³. Но всё же чаще брак продолжали воспринимать как союз двух родов, где вопрос о взаимной симпатии супругов был отнюдь не ключевым.

Как видим, для самих «молодых» поиск «подходящей партии» и вступление в брак часто имели мало общего с любовными переживаниями, а порой даже и взаимной симпатией, однако непринуждённое общение и флирт являлись не только необходимыми условиями для успеха, но и единственно возможной формой поведения в свете. Это справедливо для обоих полов, однако, безусловно, именно для девушки её умение «подать себя» оказывалось принципиально важным: «Лиза утверждает, что во мне слишком мало кокетства, что я недостаточно ласково общаюсь с мужчинами и потому никогда не буду иметь успеха в свете»⁵⁴. По крайней мере, такая модель поведения была социально ожидаемой и одобряемой. «Вера Яковлевна объявила Зое, что запрещает ей не только танцевать, но и видаться с князем и даже думать о нем»⁵⁵; «князь танцевал очень мало, был печален, стоял поодаль... между тем как она, невольница, выплясывала посреди залы кадрили с советником, летя и взорами и душою к другому. Лишь только под конец бала... князь не выдержал; он завладел Зоею в глазах советника и... увел её на другой конец залы... Все это заметили, так что Вера Яковлевна притворилась больной и увезла Зою из мазурки, бросив на князя взор раздраженной Юноны»⁵⁶. Следовательно, мужчина мог позволить себе не оправдать ожидания общества, девушка же находилась в слишком сильной зависимости от родительской семьи, которая зачастую старалась блокировать любые проявления её нежелательного, с их точки зрения, поведения. Поэтому дворянке часто на бале приходилось делать то, что шло вразрез с её желаниями и потребностями и при этом производить впечатление доброжелательной, любезной, лёгкой и непринуждённой.

Интересна оценка, которую в данном контексте даёт себе в своих дневниках девица Е.А. Соймонова: «я никогда не смогу вызвать страстную любовь, я знаю это. С моей внешностью и моей деревенской грацией невозможно очаровывать»⁵⁷ (ср.: «...эта девушка так мила, так особенна, что она не протанцует здесь месяца и выйдет замуж...»⁵⁸). В данной связи становится понятно, почему дворянские семьи не скупились на оплату услуг лучших танцмейстеров Москвы для своих дочерей.

⁵³ Бестужев-Марлинский А.А. Испытание // Дуэль... С.35–36.

⁵⁴ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 49.

⁵⁵ Жукова М.С. Указ. соч.

⁵⁶ Там же.

⁵⁷ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 49.

⁵⁸ Толстой Л.Н. Война и мир. Т. 2 // Собр. соч. в 22-х т. М., 1980. Т. 5. С. 213.

Значение балов для матримониального поведения московского дворянства сложно переоценить. Они, по выражению П.А. Вяземского, были тем местом, где представители дворянской молодёжи обоих полов «учились любезничать, влюбляться, пользоваться правами и вместе с тем покоряться обязанностям общежития»⁵⁹. Именно через общение и танцы составлялись и любовные, и брачные союзы. Вдобавок, танцы были одним из главных увеселений и, что немаловажно, фактически единственной формой допустимого и даже социально поощряемого близкого общения дворянских девушек и юношей⁶⁰. При этом они требовали не только завидной выносливости, но и безукоризненного знания этикетных норм. Ведь танцы предполагали разговор, причём манера и тема разговора регламентировалась и видоизменялась в зависимости от танца: «"мазурочная болтовня" требовала поверхностных, неглубоких тем»⁶¹, а вальс создавал соответствующую обстановку «для нежных объяснений»⁶², причём эти объяснения делались не только вербально, но и письменно, т. к. «соприкосновение рук позволяло передавать записки. Вальс танцевали долго, его можно было прерывать, присаживаться и потом снова включаться в очередной тур»⁶³. Сложно сказать, известно ли было это «преимущество» вальса «цензорам в чепцах и шالях», но иных столь же удачных способов межполового взаимодействия в дворянской культуре просто не существовало. Неудивительно, что вальса, как важного события, ждали с большим нетерпением⁶⁴, и именно он являлся излюбленным танцем дворянской молодёжи.

Впрочем, следует отметить, что не все родители в равной степени стремились выдавать своих дочерей замуж как можно скорее и были склонны навязывать им свой брачный выбор. Подобным образом, похоже, обстояли дела у Е.А. Соймоновой. Из её дневниковых записей явствует, что вопрос её замужества волновал всех прочих гораздо больше, чем её саму и её родителей: «я очень признательна московскому обществу за то внимание, которое оно уделяет моей персоне, однако забавно, что меня выдают замуж за разных женихов, а мне, как лицу наиболее заинтересованному, об этом ничего неизвестно»⁶⁵. При этом недоумевает по поводу этих слухов не только она, но и её отец, которому приходится их официально опровергать перед друзьями и родственниками. Дневники Е.А. Соймоновой ценны тем, что не только отражают повседневную жизнь российского дворянства в Москве и её окрестностях, но и содержат нетривиальные наблюдения по поводу нравов московского общества. Вообще, ирония по поводу «пересудов» «городских кумушек»⁶⁶, которые почти всегда вращаются вокруг темы заключения

⁵⁹ Цит. по: Захарова О.Ю. Указ. соч. С. 9

⁶⁰ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре... С. 91.

⁶¹ Там же. С. 96.

⁶² Там же.

⁶³ Там же.

⁶⁴ ЦГАМ. Ф. 1341. Оп. 1. Д. 1257. Л. 2.

⁶⁵ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 47.

⁶⁶ Там же.

брачных союзов (реальных или мнимых), – это своего рода лейтмотив её дневника 1830-х гг.

Подобная черта сближает его со знаменитой перепиской московской дворянки М.А. Волковой, относящейся к 1812–1813 гг.: «жду не дождусь отъезда из Тамбова. Даже и здесь преследует меня сватовство. Я думала, что хотя нынешнюю зиму оставят меня в покое. Не тут-то было. Здесь есть один богач, когда я взгляну на его рожу, мне становится тошно; так вот говорят, будто я за него выхожу замуж»⁶⁷. Как видим, московские барышни двух разных поколений сталкиваются с одинаковыми отношением со стороны общества. Обе они тяготеют статусом «девиц на выданье», но вынуждены принимать пересуды и социальные ожидания как данность. Что характерно, они склонны атрибутировать подобное поведение именно женской части московского дворянства, в отношении поведения которой они достаточно много рефлексируют. При том что обе они – представительницы московского дворянства, каждая из них склонна противопоставлять себя московскому обществу и его нравам, которые они порой откровенно осуждают.

Как явствует из вышесказанного, у московского общества существовали определённые ожидания в отношении «девиц на выданье». Несоответствие этим поведенческим паттернам иногда приводило к курьёзным ситуациям. Так, барышня узнаёт о своём мнимом сватовстве от прислуги: «Мавра много говорила мне о княжнах Мещерских, она близко знакома с их горничной, которая среди прочего сказала Мавре, что её хозяйка под строжайшим секретом поведала ей, что я должна выйти замуж в деревне 15 сентября; вся домашняя прислуга твердит то же самое; экономка рыдает и сетует на то, что мы недостаточно доверяем ей и ничего ей об том не рассказали»⁶⁸. При этом слухи эти распространяются настолько упорно, а женщины (различного социального статуса) настолько им подвержены, что это приводит к размолвкам, недопониманию и обидам: «Госпожа Бартенева говорила мне то же самое, сказав только, что не помнит имени человека, за которого я должна выйти замуж»⁶⁹; «добрая Вера расплакалась, когда при ней велся этот разговор, и сказала, что желает мне только добра, но поскольку она вырастила нас, то огорчилась бы, не доведись ей присутствовать на моей свадьбе»⁷⁰. Как видим, брак мыслится как важнейшее и судьбоносное событие, поэтому сама идея брака в отношении молодой незамужней барышни становится постоянным контекстом её жизни, транслируя нормативные социальные ожидания дворянского общества.

Это выглядит особенно странно, поскольку у Е.А. Соймоновой даже нет официального кандидата в женихи. Впрочем, это становится ещё одним поводом для «пересудов»: «... она сообщила мне по секрету, что её тетушка очень много говорила о John Bull (прозвище их общего знакомого – О.Л.),

⁶⁷ Письмо Волковой М.А. Ланской В.И. от 11 февраля 1813 г. // Дней прошлых гордые следы... С. 171.

⁶⁸ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 47.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 47.

что, по её мнению, он является настоящей находкой для меня и что я буду просто дурочкой, если не сделаю всё возможное, чтобы заполучить его»⁷¹. Удивляет, как спокойно об этом пишет автор: без раздражения, только с некоторым недоумением: «как легко они об этом говорят»⁷². Очевидно, подобные высказывания были нормой среди московских «кумушек» и никого не трогали, став уже привычным контекстом повседневности московских девиц. Интересно отметить, что сами они считали, что Москва дает им больше свободы, нежели Петербург (М.А. Волкова даже полемизировала на этот счёт со своей столичной приятельницей В.И. Ланской)⁷³. Очевидно, что это справедливо в отношении определённой свободы обращения, но, как видим, в реальности такая «вольность нравов» не только не высвобождала юных барышень, а скорее, наоборот, делала их объектом не только пристального внимания, но и бесцеремонного обсуждения, противостоять которому в условиях традиционного жизненного уклада было практически невозможно.

Как явствует из вышесказанного, матримониальные вопросы занимали большое место в жизни московского дворянского общества, поэтому внимание к юной «особе» со стороны мужчин всячески приветствуется как её родней, так и обществом, но с учётом ряда нюансов. Как уже отмечалось выше, кандидат в женихи должен был соответствовать ожиданиям родителей барышни. Следует подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринимается исключительно в контексте брака. Мужчины, безусловно, также учитывают этот фактор, выстраивая свое поведение с противоположным полом. Так, А.Н. Вульф, «преуспевший» в «волокитестве», отмечает в дневнике, что «связь с женщиною гораздо выгоднее, нежели с девишкою»⁷⁴. Это замечание позволяет сделать вывод, что, как ни парадоксально, после вступления в брак дворянка, похоже, получала большую свободу, нежели была у неё в девичестве.

Холостой мужчина, публично проявивший выходящий за рамки обычной светской любезности интерес к барышне расценивался как потенциальный жених, если, конечно, по мнению её родни, он мог составить для неё «блестящую партию». Впрочем, иногда и особых действий с его стороны не требовалось: «богат, хорош собою, Ленский // Везде был принят как жених». Однако следует отметить, что в данном контексте речь идёт о деревенских, а не о московских матримониальных практиках. Разумеется, в деревне, при отсутствии обширного выбора, любой неженатый мужчина автоматически рассматривался как потенциальный жених. Даже отсутствие чина и юный возраст не воспринимались как препятствие, если жених был состоятельным.

⁷¹ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 49.

⁷² Там же.

⁷³ Письмо Волковой М.А. Ланской В.И. от 1 июля 1813 г. // Дней прошлых гордые следы... С. 219.

⁷⁴ Вульф А.Н. Дневник. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/pushkin/vulf_dnevnik.html (дата обращения: 19.08.2026).

Мужчины при этом прекрасно понимают, как легко они могут подать повод к пересудам и домыслам, поэтому иногда ведут себя холодно и даже неучтиво, чтобы не быть заподозренными в «склонности» и не иметь в связи с этим брачных обязательств: «господин Görke... буквально засыпал его вопросами. И под конец сказал: “Видите, как наш отъезд всех огорчает, а вы не будете скучать по Теплому (подмосковное имение Соймоновых – О.Л.)?” – “Мне здесь было так хорошо, что я буду скучать по Марии Александровне (матери семейства/ – О.Л.)”. – “И больше ни по кому?” – “Ни по кому”. – “А по сударыням?” – “Нет”. Это “нет”, произнесённое решительно и раздражённым его вопросом тоном, прозвучало, признаюсь, не слишком любезно по отношению к нам. Так он ещё и подкрепил его фразой “Я буду скучать по Марии Александровне и Александру Николаевичу”. И ни слова про своих друзей детства»⁷⁵. Вероятно, детская дружба в среде российского дворянства могла перерасти в любовь и даже в брак или хотя бы в сватовство (Чацкий и Софья; Ленский и Ольга), и именно это обстоятельство заставляет молодого человека, по всей видимости, ещё, в принципе, не готового жениться, отвечать на вопрос старшего друга семьи Соймоновых столь непочтительным образом. Как видим, дворянские юноши тоже испытывали на себе давление матримониальных ожиданий московского общества, однако им было значительно проще, ведь перед ними стоял выбор, и женитьба не была единственной социально поощряемой жизненной траекторией, в отличие от дворянских девиц.

Итак, Москва в первой половине XIX в. (особенно после Отечественной войны 1812 года) имела совершенно особый статус среди всех российских городов. В восприятии российского дворянства московское общество являлось как бы и столичным, и провинциальным одновременно. В первой половине XIX в. за Москвой устойчиво закрепляется статус «города невест». За этим стоял реальный гендерный дисбаланс, поскольку Петербург «оттягивал» к себе юношей, желавших учиться и делать карьеру. В Москву же «свозились» девицы на так называемую «ярманку невест». Поэтому Москва считалась идеальным местом для поиска брачного партнера и вступления в брак. В этой связи даже воспитывали девиц в Москве особым образом, ведь хорошее воспитание было залогом успеха в свете и, как следствие, успешного замужества. Особое внимание уделялось обучению танцам, ведь танцы были тем социальным языком, с помощью которого девушки могли обеспечить себе внимание мужчин и составить «блестящую партию».

За юными представительницами дворянства осуществлялся постоянный контроль со стороны старших родственников, а «в свете» – и всего светского общества. При этом социально одобряемых практик межполового взаимодействия было не так много. Поэтому значение бала и других «публичных веселостей» в жизни российского дворянства сложно переоценить. Танцы были главным способом межполового общения и складывания брачных со-

⁷⁵ Соймонова Е.А. Указ. соч. С. 61–62.

юзов. При этом выбор брачного партнера за дворянскую барышню, как правило, делала её семья. Мужчины же могли выбирать между браком «по склонности» и «по расчёту». Но всё же для традиционного московского общества брак – это союз двух родов.

Особой чертой московского дворянского общества в этот период была склонность к сплетням и пересудам, главной темой которых являются браки – реальные или мнимые – и брачное поведение дворянства. Через них выражалась социально-одобряемая и предписываемая модель поведения.

Матримониальные вопросы занимали большое место в жизни московского дворянского общества, поэтому внимание к юной «особе» со стороны мужчин всячески приветствовалось её родней, но при этом крайне остро стоял вопрос о «девичей чести», кроме того, кандидат в женихи должен был соответствовать ожиданиям родителей барышни. Следует подчеркнуть, что сколько-нибудь серьёзное внимание к юной незамужней дворянке со стороны представителя противоположного пола ею самой, родителями и обществом воспринималось исключительно в контексте брака. Неженатым мужчинам приходилось вести себя крайне осмотрительно, а иногда даже холодно и отстранённо, чтобы не скомпрометировать барышню и не быть заподозренным в «склонности». Так мужчины тоже оказывались включены в систему социальных ожиданий в отношении их брачного поведения.

Список литературы:

1. Белова А.В. Без родительского попечения: провинциальные дворянки в столичных институтах // Родина. 2001. № 9. С. 29–31.
2. Белова А.В. Домашнее воспитание русской провинциальной дворянки конца XVIII - первой половины XIX века: «корневое» и «иноземное». [Электронный ресурс]. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (дата обращения: 15.08.2026).
3. Болотина М.В. «Российское юношество должно быть воспитываемо... хотя и в домах своих, но всегда в России»: семейное образование в России в первой половине XIX в. // Вестник РУДН. Серия «История России». 2008. № 2. С. 24–31.
4. Губер П.К. Донжуанский список А.С. Пушкина. М.–П.: Петроград, 1923. – 279 с.
5. Захарова О.Ю. Светские церемониалы в России XVIII – начала XX в. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. – 329 с.
6. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). СПб.: Искусство – СПб., 2006. – 413 с.
7. Марченко Н. Приметы милой старины. Нравы и быт пушкинской эпохи. [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Navy_i_byt_pshkinskoi_epohi.pdf (дата обращения: 17.08.2026).

8. Ободовская И., Дементьев М. Наталья Николаевна Пушкина: По эпистолярным материалам. М.: Издательство «Советская Россия», 1985. – 368 с.
9. Пушкарёва Н.Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века. М.: Издательство «Ломоносовъ», 2012. – 208 с.
10. Солодянкина О.Ю. Гувернантки в русских дворянских семьях // Вестник РУДН. Серия «История России». 2003. № 2. С. 38–44.
11. Ткаченко О.В. Соймоновы и их окружение // Соймонова Е.А. Дневники. Московское общество в 1833-1835 гг. / сост., вступ. ст., коммент. О.В. Ткаченко; пер. А.В. Лазурского. М.: «Кучково поле», 2023. С. 5–29.
12. Чижикова А.С. Жизненный уклад русских столичных дворян в первой половине XIX века // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия: Исторические науки. 2011. № 2. С. 74–82.

Об авторе:

ЛИСИЦЫНА Ольга Игоревна – кандидат исторических наук, доцент, кафедра всеобщей истории, Тверской государственный университет (Россия, 170100, Тверь, ул. Трехсвятская, 16/31); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

Moscow in the Context of the Marital Behavior of the Russian Nobility in the First Half of the 19th Century

O.I. Lisitsyna

The Tver State University, Tver, Russia

Recently, historical anthropology has shown a sustained interest in the history of everyday life; increasing attention is being paid to the private sphere of people's lives in the past, the institution of the family, and family memory. The aim of this article is, based on self-documents, fiction, and journalistic works, to identify the specifics of the matrimonial behavior of the Russian nobility in the context of Moscow's special status, which emerged after the fire of 1812. During the period under consideration, Moscow had the status of a "city of brides," which was largely due to the distinctiveness of Moscow society. Family ties played a major role in Moscow society, and therefore so did the women who upheld them. If people went to St. Petersburg to build a career, they preferred to get married in Moscow, and the marital behavior of girls and men differed significantly.

Keywords: *Russian nobility, matrimonial behavior, marriage, family, kinship ties, Moscow society.*

About the author:

LISITSYNA Olga Igorevna – the Candidate of History, The Dept of General History, The Tver State University (16/31, Trekhsvyatskaya Street, Tver, 170100, Russia); e-mail: olglisitsyna@yandex.ru

References

- Belova A.V., *Bez roditel'skogo popечeniya: provincial'nye dvoryanki v stolichnyh institutah*, Rodina. 2001. № 9. S. 29–31.
- Belova A.V., *Domashnee vospitanie russkoj provincial'noj dvoryanki konca XVIII – pervoj poloviny XIX veka: «kornevoe» i «inozemnoe»*. [Elektron-nij resurs]. URL: https://a-z.ru/women_cd1/html/belova_b.htm#note40 (data obrashcheniya: 15.08.2026).
- Bolotina M.V., «Rossijskoe yunoshestvo dolzhno byt' vospityvaemo... hotya i v domah svoih, no vseгда v Rossii»: *semejnoe obrazovanie v Rossii v pervoj polovine XIX v.*, Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2008. № 2. S. 24–31.
- Guber P.K., *Donzhuanskij spisok A.S. Pushkina*. M.–P.: Petrograd, 1923. – 279 s.
- Zaharova O.Yu. *Svetskie ceremonialy v Rossii XVIII – nachala XX v.*, M., ZAO Centrpoligraf, 2003. – 329 s.
- Lotman Yu.M., *Besedy o russkoj kul'ture: Byt i tradicii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka)*, SPb., Iskusstvo – SPb, 2006. – 413 s.
- Marchenko N., *Primety miloj stariny. Nravy i byt pushkinskoj ehpoi*. [Elektronnyj resurs]. URL: http://www.e-reading.by/bookreader.php/135533/Primety_miloi_stariny._Nravy_i_byt_pushkinskoj_epoi.pdf (data obrashcheniya: 17.08.2026).
- Obodovskaya I., Dement'ev M., *Natal'ya Nikolaevna Pushkina: Po ehpistoлярnym materialam*, M., Izdatel'stvo «Sovetskaya Rossiya», 1985. – 368 s.
- Pushkareva N.L., *Chastnaya zhizn' russkoj zhenshchiny XVIII veka*, M., Izdatel'stvo «Lomonosov», 2012. – 208 s.
- Solodyankina O.Yu., *Guvernantki v russkih dvoryanskikh sem'yah*, Vestnik RUDN. Seriya «Istoriya Rossii». 2003. № 2. S. 38–44.
- Tkachenko O.V., *Sojmonovy i ih okruzhenie*, Sojmonova E.A., Dnevnik. Moskovskoe obshchestvo v 1833–1835 gg. / sost., vstup. st., komment. O.V. Tka-chenko; per. A.V. Lazurskogo. M., «Kuchkovo pole», 2023, S. 5–29.
- Chizhikova A.S., *Zhiznennyj uklad russkih stolichnyh dvoryan v pervoj polovine XIX veka*, Vestnik Moskovskogo gorodskogo pedagogicheskogo universiteta, Seriya Istoricheskie nauki, 2011, № 2, S. 74–82.

Статья поступила в редакцию 23.08.2026 г.

Подписана в печать 11.09.2026 г.